

Русские немцы на службе России (от Урала до Сибири)

Может показаться, что предмет данной статьи далек от духовно-нравственных проблем современной России. Но это только на первый взгляд. Материал для нее собрал русский православный человек, принадлежащий семье, давшей России пахарей и солдат, инженеров и офицеров, врачей и священнослужителей Русской Православной Церкви. Сегодня в жилах их потомков течет кровь многих национальностей, населявших наше Отечество, в том числе немцев.

Побудительным мотивом для написания статьи стали многочисленные публикации в печати и телепередачи, в которых подогревается межнациональная, межэтническая рознь. Делается это иногда грубо, иногда изощренно. Грубая лесть в адрес «малых» народностей перемежается призывами к обособленности. Муссируются мифы о том, что «многочисленные народы» способствуют вымиранию коренных малочисленных народов Севера. В ряде случаев пропагандируются идеи вплоть до замены письменности, которая была создана для них русскими – государствообразующим народом, принявшим, как радушный хозяин, «всех к нему притекающих». Менялись времена, менялось отношение властей, менялись сами власти. Все мы повидали: и охоту за ведьмами, и репрессии, и концлагеря. При этом не следует забывать, что страдали все народы, населяющие Россию.

Новейший этап ее истории протекает не менее болезненно, чем сто лет тому назад. Местные власти в регионах сознательно, а чаще – бездумно потакают безответственным политикам сеять вражду, восстанавливать представителей одной национальности против другой, одной конфессии против другой. Отличаются, конечно, не только региональные власти, которые с одинаковым бессердечием ради собственной наживы морят голодом и холодом местное население, кстати, не разделяя его на коренное и пришлое. И в федеральных органах встречаются демагоги, в погоне за партийным рейтингом готовые натравить одну нацию на другую, православных на иудеев, мусульман на христиан. В результате сотни тысяч, миллионы бывших граждан России беженцами-переселенцами покидают страну, которая когда-то стала им родной матерью. В этой веренице «добровольных эмигрантов» русские немцы занимают далеко не последнее место.

В бывших российских губерниях и советских республиках отмечается аналогичный процесс «бархатных», а то и «наждачных» этнических чисток. «Титульные нации» вытесняют «малочисленных». Например, русских. Или белорусов. Одновременно оживились мастера устраивать балаганный шум вокруг надуманной проблемы «русского шовинизма и антисемитизма». Прямо, как в сказке – «налетела стая воронов», отчего не поживиться? Главная цель – расколоть, раздробить Россию, посеять в ней междоусобицу,

а затем и уничтожить. К большому неудовольствию недругов России в ней, тем не менее, пробуждается общественное сознание. Этому содействуют люди, понимающие важность возврата к духовно-нравственным ценностям и восстановления исторической памяти народа. К таким людям относит себя и автор настоящей статьи, сделавший попытку подправить «историческую несправедливость» - забывчивость поколений в отношении «русских немцев».

Россия была крепка не только православной верой, но и своей терпимостью к «пришлым народам». Только исторически неграмотный человек будет повторять вымыслы недоброжелателей о том, что единение российских народов было достигнуто огнем и мечом. Это там, в ДАЛЕКОЙ Европе, насильственное присоединение земель сопровождалось почти поголовным уничтожением «аборигенной знати». В России эту знать вносили в дворянские списки. Некоторые народы, вошедшие в состав России, так и не узнали прелестей крепостного права, ощущая на своей спине лишь хлыст своих же баронов. Теперь, правда, рубцы затянулись, душевные раны забылись, и вновь потянуло к хозяйскому сапогу. Но это – свободный выбор наших соседей, и мы должны его уважать. Если, конечно, этот выбор не противоречит итогам Нюрнбергского процесса.

В равной степени должны мы уважать собственную историю. Не может наше многонациональное государство игнорировать историю отдельных входящих в него этнических составляющих, в данном случае немецкой общности. Время от времени небольшими тиражами выходят работы, посвященные отдельным аспектам взаимодействия немецкой и русской культур, проводятся научные конференции и выставки, на которых можно познакомиться с историческим наследием немецких общин Петербурга, Москвы. Но были другие российские регионы, где свободно звучала немецкая речь. В нашем случае речь пойдет, прежде всего, о немцах, появившихся на Урале и в Сибири, приблизительно, лет 200 тому назад.

В конце XVIII столетия в России решено было построить завод для приготовления холодного оружия по образцу Золингенского, как лучшего в Европе. По повелению Императора Павла I, который сыграл решающую роль в судьбе еще одного немца в нашей семейной родословной - Карла-Генриха Кюхельбекера, отца Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров и первого директора Павловска, поручено было горному начальнику Гороблагодатских и Каменного заводов Дерябину приискать подходящее для завода место на реке Каме.

Дерябин находил возможным устроить Оружейную фабрику при Анненском заводе на реке Бабке. Убийство Императора помешало превращению Карла-Генриха в его

фаворита, а заодно и отдалило на некоторое время осуществление планов строительства Оружейной фабрики.

Старший сын Императора Александр I, похоже, не разделявший кривотолков о безумстве родительских проектов, указом Сенату от 20 февраля 1807 года повелел немедленно приступить к постройке завода. При этом будущий освободитель Европы от Наполеона оказался перед такой же проблемой, какую должен был решить его прадед за сто лет до этого при строительстве российского флота, - кадровой. Вербовка германских оружейников в начале XIX века оказалась не менее обременительной для российской казны, чем вербовка Петром I иностранных корабелов и моряков в начале XVIII-го. Средства были изысканы, и в 1811 году консультанту юстиц-коллегии эстляндских и финляндских дел Гартману поручается ведение переговоров с Золингенскими фабрикантами и мастерами об устройстве в России оружейной фабрики, но переговоры существенных результатов не дали.

В августе 1813 года командирован был в Германию для найма оружейных мастеров Гергарт Эверсман, сын военного советника Прусской службы. Г. Эверсман окончил Гальский университет, в 1780 году был комиссаром фабрик в Пруссии, в 1790-м - бергратом, в 1798-м - кригсратом, в 1810-м - инспектором мануфактур в герцогстве Бергском, и в том же году по приглашению арендатора Златоустовских заводов Кнауфе поступил главнокомандующим этих заводов.

Златоустовские заводы до 1796 года принадлежали наследникам купца тульского Иллариона Лугинина, когда были проданы московскому 1-й гильдии купцу Кнауфу. В 1799 году они куплены в казну и за исключением Миасского завода оставлены во владении Кнауфа с правом «вечной» аренды, но уже в 1811 году «вечная» аренда прекращается, и заводы переходят в казенное управление.

Во время владения Кнауфом заводами господствующее положение в Златоустовском заводе занимали немцы. Главным командующим был Гильбер (до Эверсмана), надзиратель за работами - Баумейстер и 42 человека мастеров. В Златоусте была заведена «фабрика немецких изделий». Один из мастеров - Оберкотте - готовил сталь. Была немецкая контора, немецкая школа (обучали пастор Гартман и кистер Шредер). В 1811 году Эверсман и большинство немецких мастеров поступили на службу в казну. Но они не обладали знаниями по производству холодного оружия, были нужны специалисты.

Вот так, потихоньку подходил я к поиску родословной двух «немцев» - Генкен и Венцеля, о которых впервые узнал из переписки другого нашего пращура - протоиерея Симеона Ефремовича Боголюбского (1814-1874) с сыновьями. Других документов о немецкой ветви в семье не сохранилось. Правда, была еще серебряная сахарница -

подарок сыну протоиерея Николаю и его супруге Екатерине Викентьевне, ур. Миштовт, внучке декабриста Михаила Кюхельбекера, от Ольги Семеновны Генкен (сестры Николая и супруги Федора Ивановича Генкен) на 25-летний юбилей их свадьбы.

Будущий зять Симеона Ефремовича - Федор Иванович Генкен был в 1858 году провизором Главной аптеки Нерчинска и имел скромный чин коллежского секретаря. Фармацевтику изучал где-то до прибытия в Нерчинск. Его родная сестра была замужем за Эдуардом Карловичем Венцелем и проживала в Петербурге. Э.К. Венцель был адъютантом наказного атамана, сотником, приглашен шафером у Ларисы Семеновны Боголюбской-Мединой на ее свадьбе 16 сентября 1860 г., муж дочери Ивана Федоровича Генкена, родной сестры Адольфа Ивановича Генкена и Федора Ивановича Генкена, женатого на Ольге Семеновне Боголюбской. Известно также, что родом Венцель был из Златоуста.

Симеон Ефремович обратил внимание на провизора Ф.И. Генкен, скорее всего тогда, когда пригласил его в качестве домашнего учителя своей младшей дочери Юлии. В письме к старшему сыну Иннокентию от 21 мая 1858 года Симеон Ефремович уже писал: «Федор Иванович сделал предложение и просил руку Оленьки. Генкен, человек добрый и благородный, немец по религии и происхождению, но русский по чувствам и сердцу. Свадьбу сыграем в октябре. Генкен - человек доброй души, образованный специалист в своем роде... У Федора Ивановича Генкена в Санкт-Петербурге живет сестра, замужем». Из письма становится совершенно ясно, что Иннокентию Федор Иванович был известен, по крайней мере, по более ранним письмам отца.

Свадьба состоялась 19 октября 1858 года. Жениха благословляли Горный начальник Оскар А. Дейхман с женой почтмейстера Захария И. Рика Серафимой Васильевной. Сам Захар И. Рик был тысяцким у жениха. В 1860-1861 гг. Федор Иванович проживал с женой и дочкой Лидией, родившейся 21 марта 1860 года, в Аргунске Нерчинского округа. В октябре 1862 года у них появилась на свет вторая дочь - Юлия, а в марте 1865-го - Лариса. У Федора Ивановича и Ольги Семеновны был еще сын - Александр Федорович, племянник Иннокентия и Николая Боголюбских.

Мне удалось установить, что спустя лет 30 после описываемых событий он проживал и работал в Петербурге. В 1900 году - по адресу Фонтанка 154, был ординарным хирургом в отделении при Крестовоздвиженском обществе сестер милосердия, практикующим врачом. В 1908 году - надворный советник, д-р медицины, Конногвардейский пер., 5 (казармы), младший врач лейб-гв. Конного полка, практикующий врач. В 1913-15 гг. - д-р медицины, коллежский советник (полковник), врач усиленного лазарета лейб-гв. Конного полка.

В этом месте позволю себе оговориться – именно письма протоиерея Симеона Боголюбского – прапрапрадеда моих внуков – подтолкнули меня к поиску документов и составлению родословий, а от них – к переосмыслению прежних стереотипных представлений о сосуществовании в России выходцев из разных стран с коренной нацией – русским народом.

Вся история нашей огромной семьи начисто отвергает измышления ныне уже покойных и пока еще находящихся в полном здравии русофобов, изо всех сил раздувавших миф о нетерпимости русских, об их великодержавном шовинизме, о Православии, которое, якобы, насаждалось среди национальных меньшинств штыками. Что может быть абсурднее этих заявлений? Что может быть более доказательным, с другой стороны, для меня, в жилах которого течет русская, немецкая, польская и украинская кровь, чем личные письма и дневники наших предков, а главное – их поступки. Если один священник в середине 19 века выдает свою дочь за лютеранина, другой – в тридцатые годы 20 века благословляет двух дочерей на брак с татарами, и при этом оба руководствуются исключительно личными качествами избранников, то о какой «веронетерпимости» бубнят «говорящие головы» на наших телеканалах?

Не понимаю, из-за какой этнической «придавленности» продолжают лицемерно убиваться непрошеные адвокаты, если, к примеру, другой наш родственник, «этнический немец» Александр Карлович Зоре, внук выходца из Эльзац-Лотарингии, еще в сентябре 1941 года с гордостью ответил следователям из НКВД, что он считает себя русским, потому что родился в России, православного вероисповедания, мать его – русская (дочь дворянина, русского полковника), сам он говорит и мыслит по-русски, а по сему никак немцем себя считать не может. Такой ответ следователя не удовлетворил, и через несколько месяцев сосланный в лагерь Александр Карлович погиб.

Об отце Федора Ивановича - Иване Федоровиче Генкен было известно лишь то, что он был мастером по металлообработке, «мастером из немцев», по определению Симеона Ефремовича Боголюбского. Проживал и работал в Златоусте. Имел, по крайней мере, двух сыновей - Федора и Адольфа, а также дочь (в замужестве Венцель). Известно, что Иван Федорович жил в Златоусте и в период с 1861 по 1866 г., когда институт Корпуса горных инженеров поочередно заканчивали сыновья Симеона Ефремовича Иннокентий и Николай Боголюбские.

Поискам моим неожиданно помог «Горный журнал», выпуски которого я методично просматривал в течение двух месяцев в отделе редких книг Политехнической библиотеки, уточняя биографии инженеров Боголюбских, Шейнцвита, Дейхмана и других. И вот натыкаюсь на статью А.С. Бурмакина «Исторические данные по введению изготовления

холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами» («Горный журнал», 1912 г. (октябрь-ноябрь), т. 4, стр. 240-267). Начиная читать, и буквально через пару страниц мой взгляд останавливается на фамилии Генкен (Henken). Именно такие моменты дают мне вдохновение и силы рыться в пыльных архивах, не обращая внимания на скептические замечания «доброжелателей». В конце концов, Богу, видимо, было угодно, чтобы я на несколько лет остался без работы и заполнил свои дни библиотечными поисками.

Голубчик Бурмакин сделал мне великолепный подарок. В свою очередь мне лишь остается передать его дальше, надеюсь, благодарным потомкам. На странице 242-й он сообщает, что в 1814 году в Златоуст начинают прибывать золингенские мастера, среди них - главный мастер по приготовлению оружия Андрей Кунц, специалист по рафинированию стали Франц Лун, мастер по приготовлению ножен Брынкер, Кондрат Флик и седельный мастер Генкен. Вот и отец Ивана Федоровича, дед Федора Ивановича Генкен. Можно лишь предполагать, беря за основу семейные предания, что имя его было Теодор.

Генкен условился получать 1500 рублей в год, что по тем временам раз в 10 превышало оплату труда таких же русских мастеров. Кроме того, по соглашению Генкен получал казенную квартиру и бесплатные дрова на ее отопление, даровое обучение детей немецкому и русскому языкам, бесплатное лечение, даровые покосы и огороды, «сколько потребуется». Жена получила «в подарок» две коровы. Все немецкие мастера, согласившиеся переехать в Златоуст, и их дети освобождались от рекрутской повинности. В соглашениях было оговорено, что мастера и их дети «будут независимы, как привыкли в своем отечестве». При этом, по странному недоразумению, российская сторона подмахнула соглашение, не отдавая себе отчета в том, что в Европе не было «отечеств», в которых их граждане освобождались бы не только от воинской повинности, но и налогов. В случае смерти мастера, его вдове гарантировалась пенсия в размере 50% от жалования мужа. Пенсия эта сохранялась и при вступлении вдовы во второй брак. Каждый мастер обязался «обучить своему искусству» одного русского работника, за что, сверх жалования, получает по 500 рублей,

До приезда в Златоуст немцев местные русские, очевидно, обходились без ученой акушерки. Пришельцы, ободренные неслыханными привилегиями, и не думали обходиться услугами неграмотных повитух. По контракту от 1 мая 1814 года была взята на заводскую службу повивальная бабка Эберт, выговорившая себе жалования 800 рублей в год, готовую квартиру, даровые дрова и сено для двух коров. У Эберт был муж, по ремеслу сапожник. Пришлось и его пристроить в заводе с жалованием по 800 рублей в

год. Эберт обязана была выучить повивальному искусству одну русскую женщину «до того совершенства, какое сама имеет». Скорее всего, именно Эберт приняла роды у жены Генкен, когда у той появился на свет сын, записанный Иваном Федоровичем - будущий отец Федора Ивановича, зятя Симеона Ефремовича Боголюбского.

Первая партия немецких мастеров, включая седельного мастера Генкен, была доставлена из Германии в Санкт-Петербург в составе 35 человек, а вместе с женами и детьми она насчитывала 114 человек. Из Петербурга на далекий, неведомый для них Урал они выехали только 15 июля 1814 года. Отправляясь в полудикий край, хозяйственные немцы запаслись в Петербурге мебелью, посудой и прочим скарбом, необходимым в домашнем обиходе, причем умудрились потратить на покупки свыше 3 тысяч рублей.

До Казани ехали водою, от Казани до Златоуста - на лошадях. Их сопровождали: чиновник Оливгери, рядовой и четверо мастеровых Монетного двора. Во время проживания в Петербурге и в пути они, кроме жалования, получали: взрослые по 1 руб. 50 коп., а дети - по 75 коп. в сутки.

Содержание мастеров с семьями в Петербурге, перевозка их из Петербурга до Златоуста стоили казне 36 тысяч рублей, так что каждый мастер по прибытии в Златоуст стоил казне более тысячи рублей, не считая еще немалых расходов на переезд из Германии в Петербург. В том же 1814 году в Златоуст прибыли особой партией еще 16 мастеров. В 1814 году, таким образом, немецкого населения, считая жен и детей, насчитывалось 171 человек.

В это время вопрос о месте постройки Оружейного завода все еще оставался нерешенным. Городской совет полагал основать оружейную фабрику в Воткинском заводе, в крайнем случае в Аннинском или Миасском, находя, что в даче Златоустовского завода нет достаточного запаса лесных материалов, нет удобной земли для огородов иностранным мастерам; немцы же, не желая нового обременительного для семейных людей путешествия, просили оставить их в Златоусте. Директор департамента Дерябин, в виду этой просьбы, а также во избежание потери времени и напрасных расходов на перевоз мастеров в другой завод, полагал, что фабрику следует устроить при Златоустовском заводе.

Комитет министров, соглашаясь с мнением директора департамента, в июле 1815 года решил устройство фабрики в Златоусте. Директором фабрики был назначен Эверсман, его помощником и горным начальником обер-бергмейстер Фурман, а управителем завода Меджер. На первоначальное устройство фабрики дано было правительством 300 тыс. рублей. Таким образом, вся главная администрация фабрики и

заводов состояла из немцев. 16 декабря 1815 года состоялось официальное открытие «фабрики дела белого оружия, разных стальных и железных изделий».

Между тем, слухи об открытии немцами в варварской России, в уральских дебрях обетованной земли широко распространились в Германии. Вице-консул в Любеке Шлецер в 1816 году сообщает министру финансов, что «дошедшие в германские города слухи о спокойной жизни в Златоусте иностранных оружейников возбудили желание и в других их соотечественниках, числом до 333 человек, разделить с ними счастливую их участь.» Директор департамента, извещая Эверсмана о таком успешном ходе дела по найму мастеров, предлагает ему снестись со Шлецером о высылке такого числа их, какое признает нужным, добавляя при этом, что все нужное для войск белое оружие будет готовиться в Златоустовской фабрике, т.к. заводы Тульский, Сестрорецкий и Ижевский будут исключительно заняты приготовлением огнестрельного оружия.

Пользуясь таким широким полномочием, Эверсман продолжает вербовать своих соотечественников в 1815, 1816, 1817 и частью 1818 гг. В начале 1817 года число немецких мастеров в Златоусте достигает 74 человек. В это же время, по отзыву Эверсмана, имелось уже вполне обученных 18 русских мастеров, но Эверсман выписывает из Германии еще 40 человек.

В апреле 1817 года консул Шлецер отправил из Любека в Россию 17 человек, нанятых им в Золингене и Клингентале, а всего с семьями их было 62 человека. По прибытии в Россию они вначале поместились в Кронштадте в двух трактирах, золингенцы и клингентальцы отдельно, затем переехали в Петербург. Приставленный к ним в качестве дядьки чиновник Дитенгоф доносит департаменту, что «клингентальцы живут не бережливо, а золингенцы умеренны и берегут казенные деньги». 19 мая того же года эта партия была отправлена в Златоуст. Ее сопровождали чиновник Зубарев и трое рядовых. Прибыли они в Златоуст 8 июля, находясь, таким образом, в пути более полутора месяцев. Трактирная жизнь немцев в Кронштадте и Петербурге и путешествие их до Златоуста обошлись казне в 16 тысяч рублей. Во время пути случилось несчастье: Антон Бак, купаясь в Волхове, утонул.

В июне 1817 года приехал с женой и дочерью «шпажный мастер» Неттер. Его также сопровождал департаментский чиновник, истративший на дорогу 950 рублей. 21 сентября 1817 года выехали из Петербурга с чиновником Дитенгофом 10 мастеров с семьями, прибывшие из Золингена и Клингенталя, пять из них явились в Россию без приглашения и на свой счет. Эта партия приехала на завод 20 января 1818 года, пробыв, таким образом, в пути 4 месяца. Продолжительность путешествия объяснялась дурными путями сообщения и осенним и зимним временем года, когда можно ехать только сухопутно на лошадях, а

также продолжительными остановками в дороге вследствие болезни. В Казани болезнь задержала их более месяца. По свидетельству профессора местного университета Карла Фукса, взрослые болели горячкою, дети - чесоткою. На доставку в Златоуст этих 10 семей было затрачено до 12 тысяч рублей.

В 1818 году всех выписанных из заграницы мастеров находилось на фабрике 115 человек. По прошествии недолгого времени получили звание мастеров некоторые взрослые сыновья их, почему общее число мастеров доходит до 147-ми. Все немецкое население с женами и детьми достигает 450 человек. На путевые расходы по переезду немцев до Златоуста казна затратила, в общем, до 150 тысяч рублей. В первые годы на жалование им расходовалось до 125 тыс. рублей в год, в среднем каждый мастер получал до 1900 рублей в год. Кроме того, они получали «в подарок» коров, лошадей и прочее.

Для проживания их в 1816 и 1817 гг. было построено более 50 домов, которые впоследствии отданы немцам бесплатно в собственность. Один из таких домов стал собственностью семьи Генкен. Из них образовались две улицы под названием Большая немецкая и Малая немецкая, на что затрачено казною более 200 тысяч рублей. Щедрость неслыханная. Большинство домов разделялось на две квартиры для двух семейств, с особыми для каждой дворовыми постройками. Каждая квартира, состоявшая из нескольких комнат и кухни, снабжена была на казенный счет мебелью, кухонными принадлежностями и всем необходимым в домашнем обиходе. Позади домов находились занимавшие значительные пространства огороды, улицы обсажены были липовыми аллеями, остатки которых, в виде нескольких старых столетних лип, дожили до революции. Словом, и по внешнему виду, и по образу жизни обитателей это был уголок Германии, перенесенный в Уральские горы.

Обособленность немцев выразилась в том, что они не хотели признавать над собою компетенцию существовавшей в Златоусте управы благочиния, как «не соответствующей нравам и обычаям иностранцев». Для разбора и решения гражданских, а равно и уголовных дел по разным проступкам между немцами, а также между последними и русскими, учреждается «немецкий суд», состоявший из пяти судей-немцев и чиновника, назначаемого директором фабрики; обязанность последнего заключалась в разъяснении законов. При несогласии его с решением суда, он пользовался правом переносить дела в контору фабрики. Этому же суду предоставлено было рассмотрение и решение правильности назначения заводской администрацией мастерам «урочной работы». «Для определения уроков делаются опыты в присутствии избранных иностранцами мастеров. Основываясь на сих опытах, начальство определяет урок, о чем объявляет немецкому суду. Если суд признает справедливым сии уроки, то чинит исполнение, в противном

случае делает представление департаменту, который постановляет окончательное решение». Делопроизводство в суде велось на немецком языке.

В 1820 году в Златоусте открывается немецкий клуб. Необходимость в нем немцы мотивируют тем, что в «питейных домах, как русские, так и немцы, по недостатку подчиненности и присмотра, нередко предаются слишком великому употреблению горячительных напитков, через то происходят противные нравственности и морали поступки, как-то: ссоры и даже драки». Утвержденный министром финансов устав клуба был весьма несложен, содержание его ограничивалось тем, что «по воскресным дням клуб открыт весь день, а в другие дни - вечером по окончании работ; из прибылей клуба составляется вдовья и сиротская кассы». Продаваемые в нем спиртные напитки были освобождены от акциза, и клуб был вообще избавлен от всяких налогов. В 1830-е годы немцы купили для клуба лучший тогда в Златоусте каменный дом, который вплоть до революции 1917 года считался собственностью не существовавшего уже «немецкого общества». Клуб этот существовал более 60 лет и прекратил свое бытие уже в начале 1880-х. Его, кроме немцев, исправно посещали и местные служилые русские люди. Клуб процветал. Его процветанию не помешало открытие в конце 1850-х гг. так называемого «благородного собрания», ибо членами этого последнего собрания была почти исключительно служебная заводская аристократия. Лишь с возникновением в начале 1870-х гг. всесловного клуба «общественного собрания» начинается упадок, а затем и окончательное закрытие немецкого клуба.

Прибывшие в Златоуст в 1814 и 1815 гг. немцы, по-видимому, не готовили еще оружия, занимаясь лишь надзором за постройкой зданий. Лишь во второй половине 1816 года появляются первые изделия их - несколько десятков экземпляров разного рода оружия - офицерских и солдатских сабельных клинков, которые посланы были в Петербург (из них три клинка были приготовлены русским мастером Дорофеем Липиным). На одном из клинков сделана была надпись почему-то на татарском языке: «Я защищаю Россию» и татарское название Златоуста «Косотур». Из этих клинков несколько экземпляров поднесено Императору Александру Павловичу, который остался весьма доволен первыми произведениями новой фабрики и выразил свое благоволение тем, что Эверсмана и Фурмана наградил орденами, первого Анны 2-й степени, второго - Владимира 4-й степени, а мастерам повелел выдать 10 тысяч рублей «в награду и для поощрения к достижению вящего совершенства».

С 1 октября 1817 года Эверсман уволен от службы по болезни. Увольняя Эверсмана от службы, министр финансов назначил ему в пенсию все получаемое им содержание - 9000 рублей, причем велел объявить немцам, что по окончании сроков контрактов с ними,

«они не только не будут удалены с фабрики и не убавится у них жалования, но еще увеличится по мере трудов и заслуг каждого, а при старости они и семейства их будут призрены» (из предписания министра финансов Гурьева от 31 августа 1818 года за № 2141, дело № 69, 1817 г.).

Директором фабрики определен горный начальник заводов Фурман. С этого времени обе эти обязанности были соединены в одном лице. Следует справедливости ради согласиться с выводом А.С. Бурманина, что «Эверсман не в меру порадел своим землякам в ущерб русской казне».

По свидетельству преемника Эверсмана Фурмана, к 1 января 1819 года русских мастеров, «вполне знающих дело по изготовлению оружия», было 144 человека. К 1820 году их имеется уже 200 человек, «не уступающих по искусству германцам». Вообще, Фурман был не высокого мнения о большинстве иностранных мастеров. Например, в своем донесении департаменту он сообщил, что «приготавливаемое мастером Шнек железо для ножен большею частью оказывается негодным... русские мастера делают такое железо лучше... Немец Газ раньше стали вовсе не делал, а научился всему здесь, в Златоусте».

«Из 13 мастеров-немцев, занимающихся приготовлением клинков, знающих это дело только 5, остальные 8 явились сюда без всяких знаний и приобрели некоторый навык только здесь, что доказывается собственным их сознанием». В заключение Фурман пишет, что из 74 иностранных мастеров только 29 человек могут быть названы мастерами; остальные 45 человек сами нуждались в обучении и учились уже в Златоусте. К чести «седельных дел» мастера Генкен претензий к качеству его «продукции» высказано не было.

В начале 1820-х гг. оканчивались сроки договоров с немцами. Насчитывалось их уже до 280 человек. За 5-7 лет приехавшие из Германии подростками, превратились в «мастеров», русские же, несмотря на признание Фурмана, что они не уступают германцам, по прежнему были только работниками и лишь немногие из них подмастерами.

По окончании сроков контрактов большинство немцев не пожелало расстаться с «привольной и изобильной жизнью». Чтобы иметь законную почву для дальнейшего пребывания немцев на фабрике, Фурман в апреле 1820 года представил в Департамент «штат иностранным мастерам», который разделял их на штатных 38 чел., с жалованием от 1000 до 1500 руб. в год, сверхштатных лучших 14 человек с тем же жалованием, средних 58 человек с содержанием от 500 до 1500 руб. и худших - 35 человек, которым жалование назначалось от 300 до 1100 рублей в год. Всего 145 человек. Общий ежегодный расход по этому штату начислен в 142196 рублей. За сверхурочную работу полагалось особое вознаграждение.

Кроме жалования немцы по-прежнему пользуются квартирами, даровой медицинской помощью и лекарствами, получают из казны дрова - женатые 25 сажень, холостые - 8 сажень в год. Казна содержит для них повивальную бабку и священников католического и лютеранского вероисповедания, школу и учителя, дает им безвозмездно земли для огородов и покосов. Летом, в июле и августе мастера увольняются на 3 недели «на страду», с сохранением за это время содержания, точно также получают жалование и за время болезни. Получают пенсии от 1/4 до полного оклада жалования, в зависимости от числа лет службы. Хотя штат этот не был утвержден в Петербурге, он применялся на практике. Жалование нередко выдавалось медными деньгами, почему при тяжеловесности тогдашней медной монеты немцы вынуждены были не носить, а возить возами на лошадях свою зарплату на зависть и удивление всей округи. Чтоб я так жил, как говорили в Одессе отцы и деды будущих экспроприаторов! Где и когда русский человек имел к себе такое отношение на родине или на чужбине? В какой стране мира пользовался он подобными льготами, привилегиями, почестями и дарами? Назовите мне хотя бы одного обласканного до такой степени русского технаря, врача, писателя, ученого, вынужденного из-за куска хлеба продать свой талант и покинуть отечество. Кто из русских специалистов в прежние годы или в наше время умудрился подписать контракт, по которому английские, немецкие или американские хозяева выплачивали бы ему в 5-10 раз больше, чем своим соотечественникам той же квалификации, да еще освободили бы от налогообложения, подарили бы дом, землю, скотину и бесплатно обучали бы его детей? Причем продление такого контракта зависело исключительно от приглашенного работника, а не от нанимателя. Трудно поверить, но среди «льготников-немцев», приехавших в Златоуст, нашлись недовольные.

В числе немногих, не пожелавших по окончании сроков контрактов остаться на фабрике, были Вильгельм и Людвиг Шафы. Их специальностью было украшение клинков надписями и рисунками золотыми и серебряными. Они отказались посвятить русских в свои секреты по изготовлению нужной при золочении и серебрении смеси. При оставлении фабрики они изложили свой секрет на бумаге, запечатали и оставили в конторе, где их пакет пролежал почти 60 лет. В 1877 году его нашел и вскрыл управитель фабрики Муфель, причем оказалось, что фабрики давно опередила «секрет» Шафов. Сами Шафы, между прочим, не вернулись в Германию, а осели в Петербурге, стали настойчиво выпрашивать компенсацию за «обиду» и все-таки получили по повелению Императора Александра I шесть тысяч рублей, после чего завели в Петербурге мастерскую по своей специальности.

В сентябре 1820 года городским начальником и директором фабрики, вместо Фурмана, был определен Клейнер, не прослуживший и года, будучи уличен в беспорядках и злоупотреблениях и уволен. В феврале 1821 года его заменил Степан Петрович Татаринов. Между тем, немцев Златоуста все больше беспокоит судьба их потомства. Они хотят, чтобы ему жилось не хуже, чем им самим. Желание естественное, но с социальной точки зрения несправедливое, ибо рабочая масса русских, из которых многие были не хуже немецких мастеров, находилась рядом в рабском положении и даже не смела мечтать о привилегиях для себя и своих потомков.

Приезд Императора Александра I в Златоуст 20 сентября 1824 года и оказанное им немцам особое внимание подлили масла в огонь. Государь осматривал квартиры немцев, заходил к мастеру Шрейберу. Приказал некоторые из 67 домов перестроить согласно желанию немцев. Татаринов в октябре 1824 года доносил министру финансов, что «во время пребывания Государя в Златоусте иностранные мастера утруждали Его Величество многочисленными просьбами». Государь повелел содержать иностранцев «наилучшим образом», прибавив, что «для России, государства столь обширного и богатого, ничего не стоит хорошо содержать 200 семейств». Великодушные слова Александра I тут же «взяли на карандаш». Ссылаясь впоследствии на это повеление Государя, немцы добавляли, что будто бы Государь высказал пастору Венцелю, что «России стыдно было бы не пропитать 200 семейств и в том случае, если бы иностранцы не приносили никакой пользы».

Достоверность такого заявления вызывает сомнения, однако сам факт разговора Венцеля с Государем никем не оспаривается. Для нас же интересно упоминание фамилии пастора, поскольку через полвека Венцели породнятся с семейством Генкен (Эдуард Карлович Венцель женится на сестре Федора Ивановича Генкен), став, таким образом, родственниками Боголюбских и Кюхельбекеров. Мне не удалось установить, кем пастор Венцель приходился Эдуарду Карловичу Венцелю, и приехал ли он в Златоуст один или же с родней, но, думаю, при желании это можно будет сделать, поскольку сохранились архивы Златоустовского завода. Кроме того, я сознательно перечисляю все встреченные мною фамилии немецких мастеров, живших в Златоусте одновременно с семейством Генкен и Венцелями. Эти фамилии также могут послужить подспорьем в поисках дополнительной информации.

В своем донесении министру Татаринов сообщал, что «дети иностранцев, не достигшие надлежащего возраста и не определенные еще в настоящую службу, занимаются на фабрике различными работами, с производством каждому из них по 1 рублю в день». Это обстоятельство само по себе заслуживает внимания, и я к нему еще вернусь, пока лишь сделав оговорку, что, скорее всего, сын «седельного мастера»- Иван

(Йоханн) Генкен был в числе немецких подростков, «проходивших производственную практику» на фабрике.

Во время пребывания Государя в Златоусте, 22 сентября 1824 года поднесено было Его Величеству 12 штук сабель и шпаг. На клинках некоторых из них изображены золотом рисунки: бегство Наполеона из Москвы, виды сражений, встреча Государя в Златоустовском заводе и другие. Император пожаловал мастерам медаль и деньги, но среди немцев вновь нашлись недовольные. Например, Гетфрид Шлехтер жаловался, что он изготовил для Государя «маленькую саблю с ножною и эфесом», но награды не получил. Директору фабрики пришлось объяснять департаменту, что Шлехтер «кроме дела ножен не показал по сие время знание какой-либо работы», а потому никакой награды не заслуживает. Даниил Вольферц и Эдуард Шмитц заявили о своем желании поднести в подарок начальнику штаба шашку, однако и тут их постигла неудача: в декабре 1824 года Департамент уведомил директора фабрики, что начальник штаба «решительно отказался от подарка». Дело в том, что оружие, «подаренное» немцами Императору, стоило фабрике 3675 рублей (по 300 рублей штука), а за это (помимо медалей) Государь выдал мастерам еще 1895 руб. 75 коп. (каждый немец получил по 3 рубля).

Отрицательный ответ начальника штаба не охладил усердия немцев делать высокопоставленным лицам подарки на казенный счет, в чаянии получения наград. И вот они приготовили на фабрике несколько экземпляров оружия, составили на имя Государыни Императрицы Марии Федоровны адрес от имени всех мастеров и, «уверив директора, что оружие Государыне назначено Его Величеством», просили доставить его вместе с адресом по назначению. Директор поверил им и исполнил просьбу, но «подарок» был найден неуместным. Министр финансов сообщил директору 9 апреля 1825 года, что адрес оказался разорванным: «При поднесении же Государю Императору адреса всего сословия иностранных мастеров и оружия, приготовленного по его, якобы, повелению, Его Величество соизволил приказать: оружие отдать в лавку, а мастерам назначить в подарок 2400 рублей, директору фабрики сделать замечание, ибо Государю ничего по сему предмету не было известно.» Таким образом, хотя ссылка немцев на повеление Государя сделать Императрице подарок в виде холодного оружия оказалась измышлением их, но это измышление пошло им на пользу. Деньги (2400 руб.) были поделены, и каждый мастер получил по 20 рублей 86 копеек. Пострадал же ни в чем не повинный, поверивший немцам директор Татаринов.

Ободренные благоволением Государя, немцы начали осаждать правительство новыми просьбами. По высочайшему повелению для разбора претензий был

командирован бергауптман Ахте, который нашел, что большая часть жалоб неосновательна, однако немцы все же получили от казны 20 тысяч рублей. Министр финансов, однако, счел нужным оговориться: «за таковым удовлетворением иностранных мастеров, подобных требований уже не принимать, ибо претензии их на казну постоянно умножаются». На переустройство и ремонт казенных квартир для немцев в Златоусте было затрачено казною до 60 тысяч рублей.

На немцев сыпались и другие милости. Положением Комитета Министров от 20 января 1825 года мастера и их семейства по пенсионным окладам были сравнены с классными горными чиновниками. Отдельные мастера получали крупные денежные премии. Например, в 1825 году - Гофер, Фишер, Шретер (за полировку большого количества клинков), Бергаус и Кольфгаус (за изобретение нового способа по нарезке на саперных ножах зубьев), Готфрид Гра (за открытие месторождения точильного камня, который, как вскоре оказалось, негоден для точил). В том же году мастера Христиан и Гавриил Тигартены, получавшие жалование по 1860 рублей в год, вздумали просить о прибавке по 200 рублей. Эту просьбу они повторили в 1831 году. Горный начальник заводов заявил, что «если они недовольны получаемым из казны содержанием, то могут оставить фабрику и искать себе лучшего содержания». Это лекарство оказалось радикальным. Тигартены перестали просить о прибавке.

Настали новые времена. Скончался Император Александр I. «Уральские немцы» с затаенной тревогой наблюдали за столичными событиями, где пара дюжин не менее обласканных властью обрусевших «петербургских немцев» также попыталась заявить свои претензии наследнику российского трона, выйдя как заговорщики вместе с «офранцузившимися» русскими офицерами и дворянами на Сенатскую площадь. Нервное состояние немецкой колонии усугублялось тем, что известия о бурных событиях в Империи достигали Златоуста с задержкой на 3-4 недели.

Озабоченность немцев, живших в Златоусте среди русских более 10 лет и не находивших нужным учиться русскому языку, писавших все официальные бумаги по-немецки, имевших для их перевода и вообще для сношения с русскими особых переводчиков, с переменой власти вполне понятна. Впрочем, не одни они проявляли пренебрежение к русскому языку. Мать Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров прожила среди русских всю жизнь, так и не научившись даже читать написанные по-русски стихи старшего сына. Вся ее переписка с детьми также велась исключительно по-немецки.

Предчувствие не обмануло «златоустовских золингенцев и клингентальцев». Новый период в их жизни оказался уже не столь обильным земными благами. Известие о кончине Александра I, неожиданной и до сих пор не разгаданной, и о восшествии на престол

Константина Павловича в Таганроге 19 ноября 1825 года было получено в Златоусте из Оренбурга 9 декабря. 12 декабря 1825 года, буквально через три дня после получения депеши, немцы, в тревоге за свое благополучие, спешат заручиться милостью нового Императора, шлют в Петербург на имя Государя Императора Константина Павловича прошение, в котором объявляют желание принять присягу на верность службы и выражают надежду, что их не лишат прав и преимуществ. Очень волнуются и потому спешат немецкие оружейники.

А в столице не до их прошения. Как пишет в своих воспоминаниях замечательный военный историк, военный министр Александра II Дмитрий Алексеевич Милютин, самый просвещенный военный министр России, человек редкостной честности и чистоты, «в конце 1825 года в Петербурге происходили прискорбные события». Бунтуют «декабристы», на троне ввиду отсутствия прямых наследников у Александра I и отречения от престола своего старшего брата, Цесаревича Константина Павловича, утверждается Николай Павлович, начинается следствие по делу государственных преступников. В результате прошение было доложено министром финансов Канкриным Императору Николаю Павловичу лишь 12 февраля 1826 года, ровно через два месяца после его отправки. Государь, чья коронация состоялась 22 августа 1826 года, уже после завершения следствия по делу бунтовщиков, среди которых оказалось десятка два обрусевших немцев, приказал объявить мастерам, «чтобы они остались уверенными, что права и преимущества их уважены будут правительством и что впредь оно окажет им во всяком случае справедливость».

Немецкие оружейники не успокаиваются и в апреле 1826 года посылают в Петербург в напоминание о себе и вновь на казенный счет украшенное золотом оружие в количестве 5 штук для поднесения Государю Императору. 16 мая министр уведомил Татаринова, что оружие удостоилось особого одобрения Его Величества и что Государь приказал выдать в награду мастерам 1000 рублей - сумму сравнительно небольшую, причем большая часть денег пошла в пользу русских (их разделили между 4 немцами и 6 русскими мастерами). Само оружие стоило казне около 1000 рублей.

В июне 1826 года вместо Татаринова горным начальником заводов и директором фабрики стал Адольф Андреевич Ахте. В 1827 году «подарок» послан Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу. С оружием в Петербург посланы помощник директора Оливьери, рисовальщик Бушуев и мастер Вольферц. Государь пожаловал им бриллиантовые перстни, а мастерам фабрики - 600 рублей (деньги вновь разделили в прежней пропорции - 8 русских и 4 немцев). В 1828 году Наследнику Цесаревичу посланы

2 шпаги, 3 сабли и 3 дюжины рапир. Государь Император пожаловал 1000 рублей (премировано 10 русских и 4 немца).

В 1827 году в немецкой школе в Златоусте обучалось 120 учеников, а в 1829-м - немцев обоого пола и всех возрастов числилось 624 человека. Все мысли первого поколения немцев теперь были заняты обеспечением безбедного существования детей. В 1829 году директору фабрики немцы выразили неудовольствие из-за неопределенности положения своих детей. Директор сообщил об этом Главному начальнику Уральских заводов.

Главный начальник советует молодым немцам «поступать на государственную службу в заводские конторы и вообще по письменной части». Но карьера заводского чиновника не прельщала молодых людей, хорошо понимавших, что вступив в число «письменных» чиновников, они лишатся всякого «изобилия» (секретарь главной конторы получал 750 рублей, столоначальник - 240 рублей, надзиратели за работами - 200-240 рублей, писаря разных рангов - 60-120 рублей в год. Даже управитель фабрики и его помощник, получившие высшее специальное образование в горном кадетском корпусе, зарабатывали меньше, чем рядовые немецкие мастера - первый - 1500 рублей, последний - 750. Находившееся в Златоусте католическое и лютеранское духовенство также пользовалось привилегированным положением. Православный священник, вместе с дьяконом, получал жалование 640 рублей в год, католический - 1500, а лютеранский - 2000.

В результате ни один немец не пожелал посвятить себя такой неблагодарной профессии. В 1830 году они избрали трех депутатов и послали одного из них в Петербург вместе с поверенным мещанином Юркиным «ходатайствовать в высшем правительстве о помещении детей их на окладное жалование». Юркин принялся в Петербурге энергично обхаживать министра финансов, писать записки и прожекты, все время ссылаясь на «милостивые слова Государя Императора пастору Венцелю, что для России было бы стыдно не пропитать 200 семейств иностранцев, когда бы от них даже не получали никакой пользы». В своих просьбах он доходит до того, что предлагает проект для немцев Златоуста, по которому они на счет казны заводили бы мастерские, получали ссуды материалами и деньгами, а места смотрителей и надзирателей за работами (сдача готовых изделий в казну для продажи, готовка литой стали, изготовление стальных вещей) предоставлять исключительно немцам), присвоив им звание «горных оружейников», немецкую школу реформировать, учредив горное училище на правах гимназии, в котором преподавались бы горные и военные науки».

Горный начальник Ахте, донося об этих проектах министру финансов, признал их неосуществимыми, заявив, что немцы, «увлекаемые вниманием правительства, придумывают новые претензии». Далее Ахте доказывает, что немцы перестали приносить выгоду фабрике: содержание 117 иностранных мастеров ежегодно обходится казне в 160608 руб. 20 коп., а такое же число русских - в 21864 руб. 66 коп., т.е. первые получали за одинаковое количество работы в 8 раз больше последних. Повторяя слова героя кинофильма «Любовь и голуби» дяди Мити: «И что характерно!?!» - спустя 170 лет я сам и мои русские сослуживцы по СП «Интурист-РадАмер Гостиница и Деловой Центр» получали за тот же объем работы ровно в 8 раз меньше, чем трудившиеся там далеко не в поте лица своего американцы, англичане и немцы, слетевшиеся пожить за счет русского мужичка. Прошло почти два столетия, сменился десяток поколений, изменился государственный строй, прошли кровопролитные войны, а Россия-матушка все также гнет спину перед кичливыми авантюристами, прожорливыми как саранча, усердствует, милая, потчuya их разносолами, позволяет им выгрeбать последнюю копейку из казны и карманов своих граждан. Побольше бы нам сейчас таких начальников, каким был Ахте, сам из немцев, но верой и правдой служивший стране, которая его приютила.

По поводу угрозы Юркина, что при удалении детей и отцы их оставят фабрику, Ахте пишет, что по окончании сроков договоров только 6 мастеров уехали из Златоуста: Шафы, Раль, Кунц, Весберг и Шретер, но последние два возвратились на фабрику. Если бы дети вместе с отцами пожелали возвратиться в Германию, то этим избавили бы фабрику от тяжелого бремени, но Ахте сомневается, чтобы угроза эта была приведена в исполнение.

Введение новых производств при дальнейшем участии в них немцев, по отзыву Ахте, еще более обременит казну. В качестве подтверждения он упоминает Петра Каймера, который при учреждении фабрики готовил литую сталь, употребляя каменный уголь и карандашные горшки, но она оказалась хуже английской и очень дорога, в результате ее выделка была прекращена.

Граф Канкрин, к слову сказать, родственник опальных декабристов Муравьевых и Кюхельбекеров по линии супруги, признавая претензии немцев «затейливыми», предложил Совету Министров рассмотреть их и дать заключение, «чем можно улучшить состояние детей иностранцев без нового обременения казны». Совет не смог придумать никакого радикального средства для решения «немецкого вопроса», назвав проекты Юркина «мечтательными». В результате немцы остались в прежнем положении - без подушного оклада и рекрутства. А.С. Бурмакин еле сдерживается, описывая это уникальное по своим привилегиям положение немцев в России: «можно подумать, что они пришли из какой-то Аркадии, где нет ни пошлин, ни податей, не существует никакого

рекрутства...» Между тем в те самые времена в некоторых германских владениях практиковалась даже продажа людей в войска других государств.

В июне 1831 года Ахте переведен в Пермь на должность берг-инспектора Пермского горного правления. Его место занял управитель оружейной фабрики Павел Петрович Аносов, «светлая личность» по воспоминаниям многих его современников. Аносов - одноклассник Михаила Кюхельбекера, родился в 1799 году. Проследившая, как сказали бы советские кадровики, трудовую биографию Аносова, невольно ловишь себя на мысли, что одни талантливые молодые люди отдавались все без остатку благородному делу служения Отечеству, другие же, не менее талантливые, губили себя во имя сомнительных «новых ценностей», калечили свои судьбы в погоне за призрачными миражами.

Аносин в 1810 году поступил в Горный кадетский корпус, окончил курс в 1817-м с золотой и серебряной медалями и в том же году начал свою службу в Златоусте. В 1834 году, по учреждении корпуса горных инженеров, с присвоением состоящим в нем военных чинов, он переименован в чин полковника, в 1840-м - генерал-майора. Присвоение ему этого ранга происходило уже при новом «Начальнике Уральского хребта» - Владимире Андреевиче Глинке, чей брат (Григорий Андреевич) был женат на Юстине Карловне Кюхельбекер, сестре Михаила Кюхельбекера. Михаил Карлович, между тем, «переименованный» в 1826 году из лейтенантов Гвардейского экипажа в государственные преступники, тянет свою каторжно-ссыльную лямку в Сибири, да еще умудряется множить свои грехи, вступая в брак с кумой. Вместо чинов и наград Бог посылает ему детей, на воспитание которых у него не хватает средств и чей удел представляется для него плачевным. При этом диву даешься, как разнится судьба этих удивительно похожих друг на друга своими человеческими качествами людей. Михаил Кюхельбекер оставил о себе память как о необыкновенно отзывчивом и сердечном человеке. Готов был отдать людям последнюю рубашку. Умер, спасая жизнь роженицы и ее ребенка. А.С. Бурмакин пишет об Аносове, что тот остался в памяти златоустовцев как простой и сердечный человек. И люди платили ему тем же, называя своего начальника праведником. Признательность народа за гуманное отношение начальника была искренней.

Его отъезд в Сибирь в 1847 году после 30 лет, проведенных в Златоусте, в связи с назначением в Томск гражданским губернатором и главным начальником Алтайских заводов вылился в многолюдную демонстрацию неподдельных скорби и страха за грядущее. Заводские рабочие в то время числились на военном положении. У горных начальников уральских округов была огромная власть: в их руках были гражданское управление, полиция, суд и суд военный. Нравы были жестокие, но Аносин при этом

сохранил человечность и не превратился в тирана. Когда он сел в дорожный экипаж, рабочие выпрягли лошадей и отнесли своего любимца за селение на руках. Многие плакали, как плакал и сам Амосов. История умалчивает, какие чувства при отъезде Амосова из Златоуста испытывали немецкие мастера, жившие в 57 крепко сбитых домах, вдоль которых в толпе плачущих русских рабочих проносилась фигура Павла Петровича. Похоже, его душа не вынесла расставания. Амосов недолго прожил в Томске, где вскоре скончался.

Когда первый из семейства Генкен, седельный мастер, вступил на российскую землю и увидел в 1814 году ее столицу, учившемуся в Петербурге гардемарину Михаилу Кюхельбекеру исполнилось 15 лет, а Семен Ефремович Малков, будущий протоиерей Боголюбский Нерчинско-Заводского Богоявленского собора, только появился на свет. В 1825 году Генкен со своими земляками пишет Императору Константину Павловичу послание, заверяя его в своей полной лояльности и выражая надежду на сохранение привилегий, а лейтенант Михаил Кюхельбекер, а вместе с ним еще по крайней мере полторы дюжины немцев, находящихся на русской службе, осыпанные благами и привилегиями, которые и не снились мастеру Генкен, ввязываются в авантюру на Сенатской площади. Генкен строит в Златоусте свой первый дом, а Михаил Кюхельбекер идет добровольно сдаваться правительственным войскам. Отрок Семен Малков учится в семинарии. Кто тогда мог представить себе, что судьбе будет угодно породнить этих людей спустя полвека. Седельный мастер Генкен окажется дедом зятя Симеона Ефремовича, а Михаил Кюхельбекер - дедом его невестки, которая выйдет замуж за Николая Семеновича Боголюбского. Похоже, что волеется в эту большую семью и внук пастора Венцеля. Очень разными оказались немцы, которых Провидение Господне привело на русскую землю. И видимо так было угодно Богу, чтобы кровь православных священнослужителей Малковых-Боголюбских, выходцев из Сольвычегодска, смешалась на сибирской земле с кровью обрусевших германцев и прибалтов Кюхельбекеров, Маттеи, Миштовтов, Генкен и Шейнцвитов. Добавлю, что все эти данные, хранящиеся в семейных и государственных архивах, на полках публичных библиотек у нас в стране и за ее пределами, никогда не сводились воедино и никогда не публиковались в таком виде.

Между тем содержание немцев в Златоусте продолжало обходиться дороже русских мастеров. Так, с 1 мая 1831 г. по 1 мая 1832 г. 103 немецких специалиста стоили казне 151041 руб. 24 коп., а то же число русских мастеров получили за тот же период лишь 18595 руб. 59 коп., т.е. в 8 раз меньше. Русские мастера получали 186 руб. 29 коп. в год, а молодым немцам, находящимся у русских в качестве учеников, платили 300-400 рублей в год. Например, Василий Эберт учился у мастера Семенникова, Адольф Лорх - у Носкова,

Иосиф Доссер - у Пичкалева. На немцев продолжали смотреть, как на людей высшей породы.

Детям немецких мастеров выдавалось по 1 рублю за выполнение урока, а плата русского рабочего в день составляла 41 копейку, причем этот подневольный рабочий был, как правило, обременен семейством и не мог даже распоряжаться своей судьбой. А немецкий мальчик получал в 2,5 раза больше, живя при материально обеспеченном отце, и был совершенно свободен даже от рекрутства или гражданской службы.

В 1830 году Главный начальник Уральских заводов написал отзыв министру финансов, что «при нынешнем числе детей иностранных оружейников в Златоусте нет приличнее для них средства, как предоставить им права колонистов». Министр финансов принял в соображение, что «содержание иностранцев по сравнению с русскими мастерами стоит очень дорого, что они сделались в тягость заводам». Вот она - плата за неосмотрительность. От тяжелого наследия прошлого тогда удалось избавиться, а, вот, в наше время история повторилась с невиданной силой – под горбачевскую трескотню о «новом мышлении» в Россию хлынула мутная волна авантюристов, псевдо-специалистов всех мастей из Америки, Азии, Европы. Было дело – в Россию приглашали итальянцев, французов, англичан, немцев, но это были лучшие из лучших: архитекторы, агрономы, механики, физики, оружейники. Но когда, в какие времена, при каком царе наша богохраняемая страна позволяла строить в своей столице гостиницы туркам? Назовите мне хотя бы одну русскоязычную газетенку в заштатном городишке, издававшуюся в Российской Империи, скажем, американцем. Можно ли представить себе пойманного с поличным наглого шпиона, выкрывшего секретные документы российского флота, чуть ли не с воинскими почестями и официальными извинениями выезжающим к себе восвояси, к примеру, в петровские времена, когда надобность в иностранных специалистах была еще острее, чем в царствование Николая Павловича? А сейчас - пожалуйста.

Российский Минфин, получив отзыв начальника Уральских заводов, вошел в Комитет Министров, который постановил 28 февраля 1833 года «семействам оружейников и их потомству, если пожелают, заниматься хлебопашеством, даровать права колонистов, для чего отвести им в заводских округах или вблизи их участки земли по 60 десятин на семейство и выдать каждому семейству в ссуду по 150 рублей серебром. Если немцы пожелают приобрести башкирские земли, то оказать им всякое содействие в этом. Принимать ежегодно в течение 10 лет на счет заводов по одному человеку в технологический институт и в школу межевиков; помещать некоторых на счет казны в земледельческие школы, взять одновременно двух в механическое заведение при Главном

штабе для приучения к приготовлению инструментов; позволить заниматься в Златоусте разными ремеслами» (закон, т. VII, Уст. Горн. изд. 1842 г.).

Директор фабрики объявил это распоряжение немцам. Те долго думали и обсуждали, что им делать. Наконец, после многократных напоминаний со стороны директора, они выдвинули свои контрпредложения. Одни при этом заявили, что не согласны «унизиться до крестьянского состояния», другие - видимо, не считая, что занятие земледелием унизительно и «лишает их гражданской свободы», согласились на надел земли, но потребовали освободить земельный надел от всяких податей и повинностей на 50 лет, а все потомство их навсегда освободить от рекрутской и всяких денежных повинностей, предоставить им право готовить вино и пиво для своей надобности без платежа акциза, учредить свой суд, а главное - потребовали разрешения построить фабрику, а нужные для нее сталь, железо и прочее отпускать из завода по стоимости их казне, т.е. без прибыли, а на устройство фабрики выдать в ссуду на 20 лет 3000 рублей. Кроме того, в месте нового поселения их казна должна построить для них церковь, приходский и училищный дом, содержать священников и повивальную бабку. В течение 10 лет из числа их сыновей определять ежегодно по два человека на казенный счет в технологический институт, в землемерную и земледельческую школы, некоторых обучать медицине, фармацевтике и богословию. На все это выдать им привилегию на вечные времена. Кстати, как уже говорилось выше, именно на фармацевта выучился впоследствии внук седельного мастера - Федор Иванович Генкен, будущий зять Симеона Ефремовича Боголюбского.

Перечисленные вождения баловней судьбы, почему-то вообразивших, что русский народ обязан вечно содержать их «во всяком изобилии», возмутили министра финансов, и он в 1834 году объявил немцам, что они должны подчиниться решению Комитета Министров.

Однако, начиная с 1834 года, дети мастеров помещаются на казенный счет в технологический институт, в школу межевщиков, в механическое заведение при военно-топографическом депо. В 1834-1837 гг. в технологическом институте обучались: Евграф Рихтер, Коллет Вольферц, Карл Роленгорф. В школе межевщиков - Ватеркампф, Фолькман, Тигартен, Линдер, Фишер; в механическом заведении Шлипер, Шретер. Содержание каждого воспитанника в учебных заведениях обходилось до 500 рублей в год.

Между тем П.П. Аносов хлопотал об отводе для колонии земли. Оренбургский генерал-губернатор Перовский находил возможным отвести землю в двух местах: в Самарской губернии, недалеко от Сергиевских минеральных вод, но немцы, находя эти земли непригодными для хлебопашества, отказались поселиться там. Не пожелали они селиться и на свободной земле в Челябинском уезде, Оренбургской губернии. Наконец,

министр финансов распорядился отвести им 6 тысяч десятин заводской земли в 40-50 верстах от Златоуста, в Саткинской и Кусинской дачах. Однако и это не повело ни к чему.

Превратиться в колониста пожелал лишь один немец по фамилии Май. Получив казенную ссуду в 500 рублей, он в 1836 году поселился в заводской деревне «Саткинская пристань». Такая «измена» общему делу крайне не понравилась его соплеменникам. Они начинают его донимать. Самуил Олигер, Абрам Шварте и Петр Бергауз, в качестве представителей общества, просят заводское управление предложить Маю оставить своих сыновей в Златоусте на том основании, что «они не получили обучения ни в чтении, ни в письме и даже в Законе Божием. Обучение Закону Божию тем более необходимо, что Май и сыновья его католического вероисповедания, жена же его по второму браку православная». Представители общества далее выразили сомнение, что казенная ссуда найдет полезное применение. Трудно сказать, что повлияло на дальнейший ход событий: душераздирающая забота Самуила, Абрама и примкнувшего к ним Петра о католическом воспитании детей Мая или же Самуил, Абрам и Петер каким-то более действенным способом помогли Маю «одуматься». Как бы то ни было, пророчество их вполне подтвердилось. В 1837 году по распоряжению заводского управления была произведена ревизия сельскохозяйственного инвентаря у Мая в его «колонии» и было обнаружено: одна корова, три свиньи, столько же овец, телега, сани, два хомута, дуга и ни одной лошади. Истратив казенную ссуду, Май бросил свою «колонию» и снова очутился в Златоусте.

На этом окончилась неудачная затея превращения фабричных иностранцев в колонистов-земледельцев. В 1837 году назначение Владимира Андреевича Глинки, брата Григория Андреевича, женатого на родной сестре ссыльных Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров, на должность Главного начальника Уральских горных заводов совпало с приездом в Златоуст Наследника престола Цесаревича Александра Николаевича. Немцы и ему не преминули подать прошение, на которое министр финансов объявил им Высочайшее повеление: просьба их не может быть удовлетворена, причем предложил директору фабрики обязать их подпиской не беспокоить более начальство такими просьбами. Но немцы в 1840 году отправляют в Петербург особую депутацию (Бергауз, Гильзбер и Брынкер) «для подачи Государю прошения о сохранении за ними прежних прав». Уже не до новых, старые бы сохранить. Прожив несколько месяцев в Петербурге, депутаты возвратились ни с чем. Самое смешное, что, вернувшись, депутаты отказались дать отчет, чем же они занимались в Петербурге. Наконец, в марте 1842 года немцы просят Горного начальника заставить упрямцев дать им отчет - депутаты являются в «немецкий суд» и дают объяснение: приехав в Петербург, они 5 ноября 1840 года подали

Государю прошение, потом от графини Кутузовой узнали, что их прошение будет им возвращено. В Зимнем дворце граф Каменский отдал им его, объяснив, что оно следует министру финансов. 29 ноября они явились к графу Бенкердорфу. Граф взял прошение, потом сказал, что оно у министра финансов. Они пошли к нему, который «с неудовольствием сказал», что они действуют неправильно, объявив, что он просмотрит все и «сделает справедливое».

Однако полностью безуспешной настойчивость немцев назвать нельзя. Вопрос об увольнении мастеров, как ненужных для фабрики, вновь вносится в Комитет Министров, но Император Николай Павлович в июне 1843 года повелевает все «оставить по-прежнему впредь до повеления». В 1846 году посетившего Златоуст герцога Лейхтенбергского вновь осаждают немцы и просят работающих на фабрике оставить до выслуги пенсии. По поводу этой просьбы генерал В.А. Глинка, Главный начальник Уральских заводов отозвался положительно.

Личность самого генерала В.А. Глинки заслуживает отдельного повествования. Этот энергичный и талантливый администратор отличался не только знанием горнозаводского дела, но и всесторонними интересами. Этот, с позволения сказать, «царский сатрап» и, между прочим, выходец из шляхетского рода создал развитую систему горнозаводского образования, основал Уральское горное училище, открыл первый профессиональный театр в Екатеринбурге. В промежутках между инспекционными поездками на горные заводы, рудники и прииски, между рассмотрением проектов развития пудлингования и контуазного передела чугуна Владимир Андреевич успевал наладить производство железных пароходов и открыть механическую фабрику, не забывая при этом оказывать ощутимую пользу своим ссыльным родственникам: Вильгельму и Михаилу Кюхельбекеру, Ф.Г. Вишневному и Ф.Н. Глинке. Впрочем, и эта исключительно интересная тема о взаимоотношениях между опальными декабристами, петрашевцами и другими борцами за насильственное всеобщее счастье, с одной стороны, и их высокопоставленными родственниками, с другой, - слишком объемна, чтобы стать частью настоящей статьи.

В 1847 году вводятся новые штаты окладов содержания заводской администрации, духовенства, мастеров и рабочих. По штатам этим, хотя по всем заводским производствам значатся русские мастера, но вместе с тем назначается 20 тысяч рублей на жалование иностранным мастерам. В 1849 году Император Николай Павлович утвердил мнение Государственного Совета, по которому привилегированное положение оставлено лишь за теми немцами, которые поступили на фабрику до 1847 года. На содержание католической

и лютеранской церковью и духовенства назначено 1450 рублей в год. В деньгах на немецкую школу было отказано.

Это сильно не понравилось немцам. Полетели петиции и претензии. Но благотворное для немцев время миновало. Министр финансов велел объявить им, что «старые мастера получают достаточную пенсию, часть которой могут уделить на образование своих детей, могут обучать их также в русских заводских школах и в окружном заводском училище. Если не желают отдавать детей в русские школы, то с ними обязан заниматься священник, получающий содержание 571 рубль в год, у которого свободного времени 6 дней в неделю. Немцам пришлось смириться и содержать школу на свой счет. Она существовала в Златоусте до середины 1870-х годов. Тогда же прекратил свое существование и немецкий клуб.

Во время восточной войны 1853-56 гг. счастье еще раз улыбнулось немцам, но это было уже в последний раз. В это время пришлось увеличить производство оружия, а также и число мастеров, часть немцев была зачислена в фабрику на прежнее привилегированное положение. В 1850-х и 1860-х годах до освобождения заводского населения Уральских заводов в 1861 и 1863 гг. от крепостной зависимости, русские мастера по штатам 1847 года получали от 36 до 72 рублей, немцы от 230 до 600 рублей, т.е. в 6-8 раз больше русских. Прослужив 40 лет, немцам в пенсию назначался полный оклад жалования. Все немецкие старики-пенсионеры дожили свой век в Златоусте безбедно и покоятся на местном кладбище, где немцы отмежевали себе особый уголок. Вряд ли советская власть оставила этот уголок в покое, впрочем, это еще предстоит выяснить.

Не попавшие в число избранных на заводские работы, разбрелись по матушке Руси и пристроились, надо отдать им справедливость, в большинстве случаев недурно, благодаря своей сравнительно высокой культуре, а главное - тому «обаянию», которым у нас пользуется всяких иностранцев. Небольшая часть их осела в Златоусте, оставшись на фабрике на условиях, общих с русскими. С понижением экономического благосостояния, понизился и умственный уровень. Во второй половине XIX века можно было встретить немца, потомка мастеров, неграмотного, ничем не отличающегося от массы русских рабочих и совсем не знающего немецкого языка.

Во время своего благоденствия немцы к массе русских рабочих относились высокомерно, с оттенком презрения, считая себя людьми высшей породы, почему больше тяготели к заводской чиновной администрации, высказывая, что они в России живут на дворянском положении. Сношения их с русскими в частной жизни ограничивалось тем,

что последние являлись у них в качестве прислуги: кучеров, кухарок, горничных. Социальное положение немецких мастеров действительно было исключительное.

Оставив свое отечество на 5 лет, они жили десятилетиями в России, у них выросли новые поколения, а они все считали себя в кратковременном отсутствии. В Германии о них забыли, а в России их числили иностранцами. Так они и жили, не неся никаких налогов и воинской повинности. Вспомнили о них в Германии в 1880-х годах, потребовали от них или приписаться в русское подданство или нести повинности, установленные в неведомом для них отечестве. Считаясь только немцами, - родившись и выросши в России, а потому не имея ни малейшего представления о немецкой жизни, они предпочли сделаться русскими подданными, приписавшись к сельским и мещанским обществам. Дальнейшая история обрусевших немцев хорошо известна. Советская власть зачислила всех своих граждан, носивших немецкие фамилии, в категорию врагов народа, погрузила их в эшелоны и сослала в менее привлекательные регионы. Недовольных с готовностью принял прожорливый ГУЛАГ. Так кости потомков немецких мастеров-оружейников из Златоуста и немцев-колонистов с Украины и Поволжья оказались рядом. Так они и лежат сегодня в степях Казахстана и сибирской тундре без надгробий и заупокойных молитв.

Прежде чем закончить свой экскурс в историческое прошлое нынешней Челябинской области, я вновь беру в руки столетнюю сахарницу из серебра изумительной работы с гравировкой: «от О.Генкен». Дата – 9 января 1908 года. В этот день тайный советник, начальник Томского горного управления Николай Семенович Боголюбский, сын протоиерея о. Симеона (Боголюбского), и его жена Екатерина Викентьевна, ур. Миштовт, внучка декабриста Михаила Кюхельбекера, отпраздновали 25-летний юбилей своей свадьбы. С тех пор минуло без малого 100 лет. Нет уже в живых этих замечательных людей, стерты с лица земли их дома и даже могилы, а сахарница продолжает радовать глаз своей ажурной формой. Чудом сохранилась она, в то время как ее мастерам и первым владельцам повезло меньше – одни сгинули в огне Первой мировой, в оканные годы революции и безумной гражданской войны, другие - во время затяжной «войны с народом».

Моей целью было лишь восстановить историческую справедливость, вызволить из небытия имена и судьбы сотен переселенцев, для которых русская земля стала родиной. Многие из них первоначально исповедовали принцип “Ubi bene, ibi patria”, но со временем Россия вошла в их сердце и навсегда осталась в нем. Бывшие немцы сделали свой посильный и, надо сказать, ощутимый вклад в становление оружейного дела в Златоустовском горном округе. Бог – свидетель, я был далек от мысли идеализировать

пришельцев. Их характеры и человеческие слабости, на мой взгляд, в дореволюционных источниках даны максимально объективно, без ретуши, что делает описание немецких колонистов убедительнее. С другой стороны, мне не удалось преодолеть чувство неловкости и горечи, вызванное забывчивостью моих современных сограждан и коллег по перу. В годы торжества военного коммунизма, индустриализации, коллективизации, борьбы с внутренним врагом, строительства развитого социализма и формирования «новой общности советских людей» не было принято вспоминать добрым словом «добровольных пришельцев» - немецких колонистов. С ними не церемонились до войны, а меры, принятые в отношении немцев Поволжья с ее началом, до сих пор отзываются болью в памяти потомков. Об этих событиях в стране, «где так вольно дышал человек», диссертаций не писали. В конце концов, пусть идеологический склероз советских историков останется на их совести – что взять с подневольных рабов авторучки, «остепененность» которых находились в прямой зависимости от степени лояльности режиму? Но скажите на милость, что помешало уважаемым составителям полновесной Уральской исторической энциклопедии, вышедшей в Екатеринбурге уже в наше («либеральное») время, в 1998 году, хотя бы вскользь упомянуть мастеров-золингенцев и клингельтальцев из Златоуста?

Думается, если бы в историческом труде, объективности ради, упомянули немецких пришельцев, авторитет русских умельцев не пострадал бы. Ведь, наши предки не стеснялись называть первую оружейную фабрику в Златоусте «фабрикой немецких изделий». Немцы, как национальная общность, постепенно входили в русскую жизнь, втягивались в процесс культурного взаимодействия с русскими, обретая в России вторую родину. Со временем они глубоко интегрировались в экономическую и культурную жизнь, тесно взаимодействуя с представителями других народов, населявших Россию, вступая в смешанные браки, переходя в Православие. Вместе с тем, никто не препятствовал желающим образовывать немецкие общины, автономные немецкие слободы, сохранять свой язык и вероисповедание. «Умникам», пытающимся ловить рыбку в мутной воде антирусской пропаганды, хотелось бы указать именно на процесс адаптации, а не ассимиляции немецкого населения в России. Честные историки должны добросовестно выполнять свой долг, показывая на примере обширных, но малоизученных материалов становление культурно-исторической общности народов в дореволюционной России. Выиграла бы не фальшивая, позолоченная «Дружба народов», немым укором стоящая теперь в снегу посреди ВВЦ, а настоящая, человеческая, кровью и потом политая и навечно скрепленная. Выиграло бы будущее нашей общей родины – России и будущее наших детей. Что до «умников», сеющих русофобию, межнациональную и

межконфессиональную рознь, то именно стараниями их предшественников из 20 тысяч немцев, проживавших только в Москве в 1914 году, к 1920 году осталось всего 6 тысяч. В Ленинграде в 1926 году оставалось менее 17 тысяч, в Ленинградской области – 25 тысяч. Сталинские чистки тридцатых годов сократили численность немцев-ленинградцев до 10 тысяч (горожан) и 12,7 тысяч, живущих в области. Аресты, лагеря и ссылки с началом войны в сорок первом окончательно покончили с московской «немецкой слободой», как, впрочем, и с немецкой автономией в Поволжье. В 1959 году в Москве проживало лишь 1342 немца, а в Ленинграде и области – 2 тысячи. Русский народ к этим этническим гонениям не имеет никакого отношения – всем мало-мальски знакомым с историей СССР известно, кто стоял тогда у руля советской власти, вынашивал и претворял в жизнь людоедские планы. И потери среди русского народа в те окаянные годы были неизмеримо выше, чем у какой-либо другой национальной общности. Впрочем, русские никогда не говорили об этом в укор своим соотечественникам, в том числе, проживающим ныне в странах ближнего или дальнего зарубежья. Вообще как-то некорректно сравнивать потери в войне, выпячивая одну национальность и как бы принижая другие. Гибли люди разных национальностей, разных вероисповеданий, в том числе и в нацистских концлагерях. Как впрочем, и на полигоне НКВД в Бутово, где покоятся кости почти 20 тысяч расстрелянных православных, лютеран, мусульман, иудеев. А поминаем мы их всех вместе, как жертв тоталитаризма. Один из погибших там 31 октября 1937 года – наш родственник протоиерей Михаил Антонович Семенчук. За период с 1990 по 2002 гг. только из России выехала 461 тысяча немцев (известно, что в 1959 году в РСФСР проживало столько же немцев, сколько и в Казахстане – основном районе для ссылки – где-то по 800 тысяч согласно официальным данным). В целом из районов бывшего СССР в «перестроечные годы» уехало «на историческую родину» более миллиона русских немцев. Стоит ли спрашивать, кто от этого процесса выиграл и кто проиграл?

Владислав Царев